

Звучит, конечно, прозаично, но подавляющее большинство людей в этом мире оказываются в тупике именно из-за денег. Если сейчас нанести удар по корпорации Су Тао, Цинь Цзяюй вполне может заранее задействовать другой тайный канал. Ли Сяньфу со вздохом поразился хладнокровию и расчётливости капиталистов.

— Излишнее сочувствие — это халатное отношение к собственной безопасности, — заметил Ли Шаша. — Тебе не следует сочувствовать Су Тао.

Ли Сяньфу качнул головой. Он вовсе не сошёл с ума, чтобы сочувствовать оружию в руках Цинь Цзяюй. Если человек ради компенсации готов отречься даже от собственных родителей, чего ожидать от его последователей?

— Я просто подумал: когда наступит день, и Цинь Цзяюй загонят в угол...

Он не договорил, но Ли Шаша прочёл в его глазах такую жестокость, которая превосходила даже ту, что таилась в Цинь Цзине.

Придя в себя и осознав, что его взгляд стал слишком мрачным и холодным, Ли Сяньфу протянул руку и погладил мальчика по голове:

— Я тебя не испугал?

Ли Шаша абсолютно серьёзно ответил:

— Папа, ты потрясающий.

— ...

Ли Сяньфу впервые осознал, что у Ли Шаша есть все задатки его тайного преданного фаната.

От автора: С Праздником фонарей!

Система случайно выберет 1000 счастливиц и подарит монеты Цзиньцзян. Сумма не так велика, просто ради развлечения. Результаты подведём в воскресенье, чтобы подстроиться под работающих~

Не расстраивайтесь, если не выиграете, вот бесплатная экстра-глава для поднятия настроения!

Дополнительная глава — «Закулисные войны»

В императорском дворце не обходится без дворцовых интриг, а в богатом поместье — без войн во внутреннем дворе.

У Старой владычицы было трое младших мужей и один Главный муж. Однако нынешняя владычица поместья отличалась ветреным нравом и успела набрать больше десятка младших мужей.

Жизнь в таком доме сводилась к бесконечной борьбе за милость и ухищрённым козням.

Розовые полы платья распускались, словно лепестки лотоса. На талии танцора звенели бубенчики, а каждое движение гибкого тела воплощало знойное лето.

— Хозяин, от вашего танца владычица точно будет в восторге! — Слуга из кожи вон лез, пытаясь подобрать красивое слово, но из-за нехватки образования мог выразить свой восторг

лишь эмоциональной мимикой.

Этот мужчина был новым младшим мужем, недавно выкупленным из публичного дома, где когда-то славился как лучший танцор.

Приняв чашку чая из рук слуги, он с довольной ухмылкой произнёс:

— Что касается танцев, разве кто-то сможет превзойти меня?

Омывшись, переодевшись и нанеся макияж, он чинной походкой направился к главным покоем владычицы.

По дороге он встретил Главного мужа. Подавив в груди досаду, он низко поклонился и лишь затем продолжил путь.

Его одежда была надушена благовониями, и даже после того, как он удалился, в воздухе ещё долго витал пьянящий аромат.

— Соблазнитель, — тихо прошипел слуга Главного мужа. — Господин, он явно идёт выслуживаться, почему вы его не остановите?

Главный муж лишь холодно усмехнулся:

— Пустая трата времени. Долго ли продлится фавор владычицы? Главное — завоевать поддержку свёкра и Старой владычицы.

Младший муж предстал перед владычицей и грациозно поклонился:

— Я недавно разучил новый танец и хотел бы исполнить его для вас.

Владычица, попивая хмельной напиток, воодушевилась:

— Превосходно!

Она хлопнула в ладоши, призывая домашних музыкантов.

Едва раздалась музыка, младший муж, подобно гордому журавлю, изящно закружился в танце.

Закончив выступление, он с надеждой взглянул на владычицу, но та лишь слегка нахмурилась — никакого восхищения на её лице не было. Раньше, глядя на красавцев во хмелю в публичном доме, она не замечала деталей, но сейчас этот танец показался ей пресным. Она невольно вздохнула:

— Ему далеко до того, как Сяо Цзю танцевал в прошлом году на праздновании дня рождения матери.

Сяо Цзю — это девятый сын владычицы, Ли Сянфу.

Поговаривали, что его танцевальное мастерство было непревзойдённым.

С трудом удержав улыбку, младший муж удалился. По пути он столкнулся с ещё более мрачным Главным мужем, слуга которого держал в руках непередаемое угощение.

Слуга досадовал:

— Скажи ещё, что отвар не сравнится с тем, что варит девятый молодой господин! Напрасно вы старались, господин!

За поворотом Главный муж и младший муж сошлись лицом к лицу. Не успели они обменяться колкостями, как неподалёку раздался ещё один исполненный гнева голос:

— Ну надо же! Заявить, что моя картина уступает работе Ли Сяньфу! Какая-то мелюзга, я съел соли больше, чем он риса!

Трое мужчин — уже целое представление.

Собравшись вместе, они забыли о ревности. Один из младших мужей не удержался и пожаловался Главному мужу:

— Отец Сяо Цзю рано умер, некому было научить его сдержанности. Вам стоит взяться за него покрепче.

Главный муж взмахнул рукавом:

— Слишком заносчив, его действительно нужно приструнить.

Стоило ему сказать это, как двое других тут же злорадно ухмыльнулись.

Немало людей в поместье ежедневно оказывались в тени Ли Сяньфу, но каков бы он ни был, дерзнёт ли он перечить старшим? За одно лишь неуважение к старшим его можно с потрохами сожрать, прикрывшись сыновней почтительностью.

Главный муж вернулся к себе и собрался было отправить человека за Ли Сяньфу, как вдруг выяснилось, что юноша уже давно ждёт у ворот двора.

Слуга доложил:

— Девятый молодой господин прибыл, чтобы засвидетельствовать вам своё уважение.

Главный муж холодно усмехнулся и вышел к юноше, выглядевшему безупречно и отрешённо.

— Сяо Цзю, твоя бабушка всё мечтает попробовать приготовленного тобой «Будда прыгает через стену». Вместо того чтобы проявлять сыновнюю почтительность к ней, зачем ты пришёл ко мне?

— Засвидетельствовать уважение вам — это тоже проявление почтительности, — Ли Сяньфу подошёл к нему. В его походке не было манерности, свойственной обычным мужчинам, а проявлялась неопишуемая статность.

Главный муж смерил его взглядом:

— Войди и говори.

Ли Сяньфу спокойно встал посреди комнаты и неспешно произнёс:

— Я поступил опрометчиво, проявив излишнее рвение показаться во всей красе.

Главный муж с сарказмом ответил:

— Надо же, сам осознал.

Одарённый во всём, этот юноша рвался продемонстрировать каждый свой талант, совершенно не оставляя шансов другим.

Ли Сянфу продолжал:

— Дедушке и бабушке очень нравится моя стряпня, а у матери — тонкий вкус к искусству. На самом деле всё это можно заменить одним-единственным делом.

Взгляд Главного мужа дрогнул:

— Слушаю.

— Бабушка в последнее время увлеклась учением Будды. Мы можем проявить почтительность и помочь ей в этом. Тот, кто погружается в буддизм, отказывается от мясного, и постепенно тяга к усладам плоти уменьшится, — Ли Сянфу слегка улыбнулся. — К тому же бабушка строга. Стоит ей уйти в духовные практики, она ни за что не позволит матери приводить из увеселительных заведений мужчин и устраивать представления, да и выпивку под луной ограничит.

Главный муж поднялся с места, увлечённый этой мыслью.

Ли Сянфу немного помолчал и добавил:

— Находясь подле бабушки, я тоже немного изучил буддийское учение и в будущем надеялся бы распространять его в поместье. Это поможет избежать неприятных историй, когда ненасытные слуги изо всех сил пытаются залезть в постель матери.

После короткого молчания Главный муж всплеснул руками и дважды восхищённо воскликнул: «Замечательно!». Посмотрев на Ли Сянфу, он полностью лишился прежнего недовольства:

— Отвечать за это дело будешь ты.

Ли Сянфу слегка склонил голову:

— Будьте спокойны. Я непременно озарю эту землю светом учения Будды.

Это было погожее солнечное утро, и именно в этот день началась эпоха, когда в поместье на протяжении трёх лет не рождались дети.

\*\*\*

Микросхема, вероятно, уже разлагалась в выгребной яме. Устранив скрытую угрозу, Ли Сянфу не спеша позвонил Цинь Цзиню.

— Помнишь наш уговор? — спросил он. — Если я первым найду зацепку, нужную Цинь Цзяюй, ты без утайки расскажешь мне всё о прошлом.

— Чжао Юнчу — одна из зацепок, но далеко не единственная, — строго по делу ответил Цинь Цзинь. — Ли Тантан тоже входит в его планы.

— ...

Обходной путь не сработал.

Ли Сянфу пока не знал, что именно Цинь Цзяюй планирует сделать с помощью Ли Тантан. Однако ему не хотелось упускать этот редчайший шанс, поэтому он решил зайти с другой стороны:

— А что, если снизить требования уговора процентов на тридцать?

Собеседник, похоже, развлёкся подобным предложением, тихо хмыкнул и, как ни странно, согласился.

— В шесть тридцать у Средней школы Чэнли. Говорят, там многое изменилось.

В каком-то смысле это была и родная школа Ли Сянфу.

Дома обсуждать такие дела действительно было неудобно, к тому же слова Цинь Цзиня всколынули немногочисленные воспоминания о школьных годах. Ли Сянфу согласился на встречу:

— Договорились.

В шесть тридцать вечера они встретились у Средней школы Чэнли.

Здание школы отремонтировали, и снаружи оно выглядело куда внушительнее.

Сейчас шли каникулы, занятий не было, поэтому Ли Сянфу предложил пройти на задний стадион.

В этой частной старшей школе было два стадиона: передний и задний. В обычные дни ученики занимались на переднем, а на задний можно было попасть через боковые ворота со стороны жилого комплекса. Богатое учебное заведение выкупило этот участок земли исключительно для проведения спортивных праздников. Во время каникул, пока ворота не запирали в девять вечера, местные жители могли свободно гулять там.

Ещё не подойдя к стадиону, они услышали детский смех и крики. Под деревьями болтали родители, а дети собрались в стайку и играли.

Прогуливаясь по беговым дорожкам, Ли Сянфу под влиянием атмосферы расслабился и неторопливо сказал:

— О делах Цинь Цзяюй мне известно уже почти всё. Единственное, чего я не могу понять, — почему ты говоришь об этом так туманно.

Если подумать, Цинь Цзинь немало рассказывал о прошлом Цинь Цзяюй, но постоянно размышлял детали того, что происходило между ним и Ли Сянфу.

<http://bllate.org/book/18300/1757122>